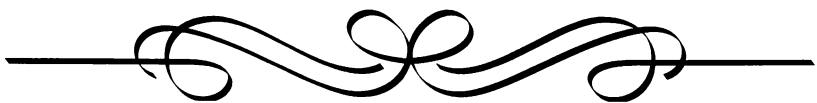

Глава XIV

*Боярский заговор:
расправа с Иваном Федоровым,
митрополитом Филиппом
и Владимиром Старицким*

сенью 1567 года Сигизмунд, однако, не очень был расположен к ведению военных действий. Его мысли и усилия были посвящены внутренним переговорам по крайне деликатному вопросу о заключении конституционной унии между Польшей и Литвой, идею которой король вынашивал последнее время. Он пришел к заключению, что для выживания Литвы необходим более тесный союз с Польшей, даже если магнаты против него. Помимо проблемы престолонаследия, которая могла представляться не столь уж неотложной — Сигизмунду было только сорок девять лет, бремя войны становилось слишком тяжелым для Литвы, как с точки зрения человеческих, так и финансовых ресурсов, возникала необходимость опереться на экономическую и особенно военную поддержку более сильной Польши. В политической, военной, социальной и финансовой структуре двух составляющих Польши-Литвы существовали значительные отличия, которые следовало преодолеть при создании нового совместного конституционного порядка. В Польше, например, не было титула князя, поэтому литовские князья Гедиминовичи и имперские князья, такие, как Радзивиллы, хотели получить гарантии сохранения этих титулов при смене формы правления. В то время крупнейшие литовские магнаты типа Радзивиллов располагали куда большей властью, чем представители этого же слоя в Польше. Следовательно, они были менее заинте-

ресованы в унии, чем поляки, поскольку в Польше многочисленное дворянство, шляхта, находилось в более выгодном политическом положении по сравнению с магнатами благодаря своему участию в работе сейма и местных сеймиков. Противоположная картина наблюдалась в Литве, где единственным ограничителем королевской власти был сенат, состоявший из земельных магнатов.

Препятствия лежали также в конфессиональной сфере. Многие литовские магнаты были православными, но некоторые из них, в частности, Радзивиллы, принадлежали к кальвинизму; поляки являлись католиками, в городах часто лютеранами. Наконец нужно было решить, кто будет хозяином Ливонии, только Литва или оба союзника¹. Период ожидания в Радошковичах был использован польским королем для того, чтобы прийти к договоренности по многим пунктам, разделявшим поляков и литовцев. Великому княжеству Литовскому угрожала война на юге, против крымских татар, а также война в Ливонии со Швецией и Россией. Сигизмунд попытался облегчить для поляков заключение унии, отказавшись от своих наследственных прав на Великое княжество Литовское, что позволило бы избирать его преемников, как в Польше. Он уступил, кроме того, польской короне принадлежавшие Литве бывшие киевские земли Воынь и Подолию (откуда происходило большинство магнатов), а также Киевский палатинат, лишив тем самым Литву почти половины ее земель. Потребность Литвы в финансовой и военной помощи и готовность Польши ее оказать при условии выполнения поставленных ею политических условий привели к сближению сторон, несмотря на противодействие литовских магнатов.

Не исключено также, что Сигизмунд ждал развития событий в России и рассчитывал на восстание против Ивана, возглавляемое русскими боярами. Возможно, он надеялся на ту реакцию, которую должны были вызвать его письма, предположительно посланные этим боярам летом 1567 года, невзирая на отрицательные ответы, продиктованные Иваном в июле и августе; впрочем, насколько известно, Сигизмунд их так и не получил².

Тем временем Иван 24 октября прибыл на западную границу с войском, возглавляемым князьями Михаилом Черкасским и Афанасием Вяземским, а 12 ноября он созвал в своем лагере в Ршанске* военный совет, в котором принимали участие его сын Иван, племянник* Владимир и главные бояре и воеводы. Сведения о том, что тогда происходило,

* У Б.Н. Флори: «на Ршанском яме».

крайне скудны, и для того чтобы получился связный рассказ, их необходимо собирать по капле, часто пренебрегая датировкой источников. К тому же почти все эти сведения исходят от иностранцев³. На этом совете царь предложил отказаться от похода из-за того, что осадная артиллерия сильно отстала. Советники поддержали его, тогда царь и его семья вернулись в Москву. Возможно, Иван свернул кампанию осенью 1567 года по военным соображениям, но не исключено, что он получил свежие донесения о заговоре знати из земщины с целью свергнуть его с престола в пользу Владимира Старицкого⁴. В конце концов, летом этого года царь на протяжении нескольких недель лихорадочно боролся с предполагаемыми попытками Сигизмунда склонить к измене его бояр. Нет сомнения в том, что непрерывный поток доносов повлиял на столь чуткую к опасностям и склонную к подозрениям личность и убедил царя, что он окружен предателями. Более того, бесспорно, что Бельский, Мстиславский, Воротынский и Федоров тесно сотрудничали во многих политических и военных областях, и если не устраивали заговоры, то наверняка действовали вместе, хорошо знали друг друга и зачастую были связаны родственными узами.

Мнимые письма русских князей и бояр Сигизмунду с декларациями их верности Ивану были написаны, безусловно, по наущению царя, если бояре вообще участвовали в их сочинении. Но определенно утверждать, что четверо обвиняемых замыслили измену, тоже нельзя. Не существует серьезных доказательств того, что Бельский или Мстиславский (оба находились в родстве с Иваном), принадлежавшие к самым влиятельным русским выходцам из Литвы и занимавшие положение принцев крови, намеревались бежать, ведь и Иван до поры до времени явно предпочитал держать их на службе. Даже М.И. Воротынский, на протяжении трех лет пребывавший в опале, не был смещен, вероятно, благодаря его полководческим способностям. Все трое занимали видное место в ходе переговоров с литовцами, отчеты о которых хранятся в архиве Посольского приказа, так что каждый из них располагал обширными возможностями общения с литовскими посланцами.

Самым зрелым и опытным (а также, вероятно, и старшим по возрасту) среди этих людей был И.П. Федоров, или, как его часто именуют, Федоров-Челяднин. Он занимал пост конюшего, который десятилет-

* Правильно: двоюродный брат.

ями передавался в роде Челяднинных от отца к сыну, и принадлежал к древней московской боярской фамилии, обладавшей большим весом и богатствами. Челяднинным он стал благодаря своей женитьбе, так как мужская линия этого рода пресеклась, и он взял в жены его наследницу. И.И. Челяднин, последний представитель этой ветви, был конюшим до 1541 года, и пока великий князь Иван не вышел из детского возраста, занимался его воспитанием, так что мальчик рос в его доме. Его жена Аграфена пользовалась доверием Василия III, она была мамкой, т.е. нянькой, Ивана до смерти Елены Глинской. Судьба Ивана Петровича Федорова была непростой, конюшим он стал в 1549 году. Позднее он находился на военной службе в Ливонии и в 1560-е годы занимался внешнеполитическими делами и дипломатией. В 1564 году он был в числе тех, кто собирал залог и подписывал поручительство в пользу князя М.И. Воротынского. В течение первых двух лет опричнины он был близок Ивану и во время его отсутствия в Москве был старшим боярином, отвечавшим за земщину⁵.

С другой стороны, в эпоху заговора он был воеводой в занятом русскими Полоцке, расстояние от которого до литовско-русской границы составляло всего двадцать — тридцать верст, поэтому ему нетрудно было бы помочь гонцу Козлову на его пути в Москву и организовать встречу с М.И. Воротынским и двумя литовскими магнатами на русской службе.

Истории, рассказанные обоими немцами, Штаденом и Шлихтингом, примерно совпадают, и в обоих случаях доверенный наместник в Москве оказывается в центре событий. Царь Иван, по-видимому, знал о существовании письма Федорова к Сигизмунду, даже если не писал и не видел его. Существовал ли реальный заговор, был ли он возглавлен Федоровым, или речь шла только о неосторожных разговорах и неосмотрительно произнесенных словах? А возможно, это были лишь польские пересуды о том, что случится после смерти Сигизмунда? Не был ли весь план заговора, включая составление писем, сфабрикован самим Иваном?⁶ Шлихтинг полагает, что какие-то события были назначены на 1567 год, когда Сигизмунд выступил в поход. В первом варианте своего известия о Московии он писал польскому королю, что *«много знатных лиц, приблизительно 30 человек, с князем [он не был князем. — И. де М.] Иваном Петровичем (Федоровым*) во главе, вместе со своими слугами и подвластными, письменно*

* В издании 1934 года (перевод А.И. Малеина): «Шуйским».

обязались, что передали бы великого князя вместе с его опричниками в руки в.к.в.; если бы только в.к.в. двинулись на страну. Но лишь только в Москве узнали, что в.к.в. только отступали (от Рагошквичей), то многие пали духом; один остерегался другого, и все боялись, что кто-нибудь их предаст. Так и случилось»⁷.*

По словам немецкого опричника Штадена, в среде земщины созрел заговор с целью заменить Ивана его двоюродным братом Старицким, и как раз сам Владимир Андреевич выдал заговорщиков Ивану, после чего тот приостановил свой поход и вернулся в Александровскую слободу⁸.

Таким образом, широко разрекламированная как в России, так и в Польше кампания 1567 года была свернута. Иван явно все больше и больше убеждался в существовании разветвленного заговора, но по обыкновению выжидал нужный момент. Как утверждает Шлихтинг, в роли зачинщика заговора мог выступать Федоров; но возможно также, что Федоров, чей ответ Сигизмунду гораздо более сдержан по сравнению с остальными, не собиравшись выступать на стороне Сигизмунда. Это и могло стать причиной неудачи всего плана, Федоров даже мог стоять и за арестом Козлова, который, между прочим, первоначально явился именно к нему в Полоцк. Следует напомнить, что в 1553 году Федоров был одним из самых рьяных сторонников наследника Дмитрия во время болезни Ивана. Как бы то ни было, его поведение представляется непоследовательным.

В самом деле, некогда Федоров уже был мишенью интриг Ходкевича из Литвы, когда в 1562 году он был наместником в Дерпте и получил от гетмана письмо. Царь тогда сделал ему выговор и приказал не вступать в прямые сношения с литовцами, а посылать всю корреспонденцию ему⁹. Федоров считается также одним из руководителей выступления служилой знати после Земского собора 1566 года. Но бояре могли опасаться за свою судьбу и осенью 1567 года, когда Сигизмунд прервал свою русскую кампанию, отказаться от своих намерений. После того как заговор был раскрыт, бояре, князь Старицкий и герцог Магнус Датский, в то время уже втянутый в проекты Ивана в Ливонии, опасаясь предательства друг друга, выдали царю имена заговорщиков¹⁰.

*Ваше Королевское Величество.

Опала Федорова стала явной, когда осенью 1567 года Иван начал преследовать некоторых его вассалов и отбирать у них земли, не прибегая пока к арестам и суду. Он поручил двум главным опричникам, Григорию Ловчикову и Малюте Скуратову, нагрянуть с карательными отрядами на владения Федорова в Коломне (куда он недавно был сослан) и перебить множество слуг боярина вместе с их семьями¹¹. Шлихтинг обвиняет опричников в том, что они разграбили огромное количество принадлежащих Федорову золотых и серебряных изделий, а также домашней утвари¹².

В своей «Истории» Курбский говорит об обхождении Ивана с Федоровым отдельно: *«Так он на того Иоанна (Челяднина) разгневался, что не только все роды его дворянских слуг погубил, замучив различными муками, но и все его земли и села — а он большую отчину имел — все пожег, сам ездя с кромешниками своими, и если находил где кого, то губил с женами и детьми, даже грудных младенцев не пощадил и, как рассказывают, ни одной скотины в живых не оставил»*.

Далее Курбский добавляет, что, как ему стало известно от очевидца, в одном из имений Федорова* Иван приказал связать людей и заперать их в комнатах нескольких «хоромин», под которые были поставлены и потом взорваны бочки с порохом, так что люди взлетели на воздух к великой радости царя. После этого, прибавляет Курбский, *«он со своими кромешниками ... как бесноватые закричали, как на поле брани с супостатами, будто бы одержали победу, и на всех скоростях, взнуздав коней, поскакали смотреть растерзанные христианские тела»*¹³ (конечно же, с криками: *«Гойда! Гойда!»*, военным кличем дикой степной конницы, часто использовавшимся Иваном).

Преследования Федорова и его людей продолжались на протяжении всего 1567-го и начала 1568 года на фоне растущей напряженности между царем и митрополитом Филиппом. Филипп с самого начала выступал против жестокостей опричнины, хотя он дал клятву не вмешиваться в ее дела и первое время пытался убедить Ивана в частных беседах, грозя ему Страшным судом. Но на Церковном соборе в конце 1567-го или начале 1568 года он стал вербовать сторонников в пользу отмены опричнины. Филипп не мог привлечь на свою сторону всех иерархов, и один из участников Собора, вероятно, архиепископ

* У Курбского это относится к истории И.Б. Колычева, а о Федорове речь идет у Шлихтинга.

Новгородский Пимен, донес на него Ивану¹⁴. Царь решил отдать его под суд, хотя многие, даже опричники, считали, что митрополит неподсуден светским властям. Иван отправил в Соловецкий монастырь депутацию для сбора улик против митрополита как по его приватным, так и по церковным прегрешениям. Монахи, по-видимому, были не очень склонны к сотрудничеству и после отъезда комиссии закрыли все документы под замок.

Однако теперь Филиппа ничто не удерживало. 22 и 24 марта 1568 года во время службы в Успенском соборе в Кремле митрополит открыто критиковал опричнину, как раз когда царь с большой вооруженной свитой прибыл в Москву. В «Житии Филиппа» (агиографическом произведении, написанном намного позднее) описывается драматическая сцена, в ходе которой храбрый священник бросает вызов вооруженным людям, одетым в черные платья опричников, с обнаженными саблями в руках¹⁵. *«Всемилоостивейший царь и великий князь, — возгласил Филипп, — доколе ты хочешь лить неповинную кровь твоих верных людей и христиан? ... Доколе неправда будет царить в русском царстве? Татары и язычники, весь свет говорит, что у всех народов есть закон и правда, а на Руси их нет ... Подумай о том, что, хотя Бог возвысил тебя в мире, ты все же смертный человек, и Бог взыщет с рук твоих невинную кровь. Камни под ногами твоими, если не живые души, возопиют и будут обвинять тебя и судить; я должен сказать это тебе, по повелению Божию, хотя бы меня за это постигла смерть».*

Иван был так взбешен, что ответил: *«Доселе я был кроток с тобой, митрополит, с твоими приверженцами и с моим царством. Теперь вы узнаете меня!».*

Затем царь собрал иерархов, чтобы лишить митрополита духовного сана и казнить его. Он всегда гордился тем, что с полной ответственностью относился к обязанности заботиться о духовном состоянии своей страны. Боярская дума, по мнению Скрынникова, не могла вмешаться, так как ее ослабила расправа над многими ее членами и разделение на опричнину и земщину. Во всяком случае, будучи совещательным органом при царе, она не могла действовать по собственному усмотрению. Филипп, не отказываясь от своего сана, покинул митрополичий дворец в Кремле и перебрался в небольшой греческий монастырь св. Николая вне его стен. 28 июля 1568 года во время службы в Новодевичьем мо-

настыре произошел еще один инцидент — Филипп во всеуслышание осудил членов опричнины, возможно, татар-мусульман, которые, вопреки установлениям Стоглава, не сняли свои тафьи в церкви.

Захлестнувшая Москву волна гонений непосредственно затронула Филиппа, потому что новгородская семья Колычевых, многие члены которой были казнены, на протяжении долгих лет поддерживала род Старицких. Иван продолжал преследовать митрополита мелочными придирками, и именно Владимир Старицкий оказал ему помощь, пожаловав земли¹⁶.

Митрополита стали считать заступником всей земщины, который, если верить рассказу Таубе и Крузе, а также Шлихтинга, выступал против действительно вопиюще садистского и жестокого обращения с мужчинами, женщинами и детьми и против содомских оргий, которым Иван предавался со своими опричниками¹⁷. После разоблачений Филиппа в Успенском соборе многие из его церковных последователей и слуг были арестованы; четверо церковных старост были забиты насмерть на улице — факт, позднее подтвержденный Синодиками. Последователей и вооруженных слуг Федорова разыскивали и истребляли, как и тех, кто принимал участие в Соборе 1566 года, и даже многих из тех, кто был некогда сослан в Казань, а затем получил разрешение вернуться. Преследования были совершенно произвольными, целые семьи арестовывали, невзирая на их положение, и казнили без всякого суда, причем Иван участвовал в казнях лично¹⁸.

Когда в какой-то из дней сентября 1568 года Федоров был призван к Ивану, разыгралась такая отвратительная сцена. Иван приказал Федорову надеть царское одеяние, такое же, какое носил он сам, и заставил его против воли взять «скипетр ... препоручил ему взойти на царственный трон и занять место там, где обычно сидел сам великий князь ... Тотчас сам тиран поднялся, стал перед ним и, обнажив голову, оказал ему почет, преклонив колена, и сказал ему так: «Ты имеешь то, чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московии и занять мое место; вот ты ныне великий князь, радуйся теперь и наслаждайся владычеством, которого жаждал»». Затем после короткого промежутка он сказал: «Впрочем, как в моей власти лежит поместить тебя на этом троне, так в той же самой власти лежит и снять тебя», и, схватив нож, «он несколько раз вонзил его в сердце Ивана (Федорова)», а все присутствовавшие при этом слуги стали колоть его кинжалами, так что «его грудные

кости и прочие внутренности выпали из него на глазах тирана». Затем тело Федорова протащили за ноги по Кремлю и по городу и бросили в центре площади, а его слуг и челядь утопили. Опричники во главе с самим Иваном совершили несколько набегов на имения Федорова, где истребили быков, овец и лошадей, а также жен и детей убитых слуг. Даже крестьянских жен раздевали догола и «как зверей» загоняли в леса, где рубили на куски. Жену Федорова насильно постригли, а может быть, и убили¹⁹. Всего, согласно записям в Синодиках, погибло сто двадцать — сто пятьдесят вассалов Федорова и примерно двести девяносто их слуг²⁰. Например, *«в коломенских деревнях умерли 20 человек, принадлежавших к православной христианской вере, и их имена известны Господу»*²¹. Многих женщин повесили на воротах их домов, других разрубили на куски и по частям утопили в прорубях, из которых народ черпал воду.

События 1567 и 1568 годов, периода самого жестокого террора с начала опричнины, вплотную коснулись митрополита Филиппа, когда судьбу Федорова 11 сентября 1568 года разделили один из родственников митрополита, окольник М.И. Колычев, и трое его сыновей. (М.И. Колычев был одним из поручителей князя М.И. Воротынского и приехал в Белозерский монастырь, чтобы вызволить его из тюрьмы.) Иван тем временем созвал Церковный собор, который должен был судить Филиппа на основании весьма ненадежных улик, собранных следственной комиссией в Соловках. Церковный собор, в работе которого участвовали некоторые бояре, открылся 4 ноября 1567 года (когда Иван еще находился в походе в Ршанске) и обвинил Филиппа в недостойном и неподобающем образе жизни. Было решено лишить митрополита его сана. На самом деле Филипп не стал дожидаться приговора, он снял свое одеяние, отдал белый клобук²² и приготовился к отъезду. Однако Иван, зная о способности Филиппа воздействовать на слушателей, велел ему оставаться пока в Москве.

Филипп был озабочен не только бесчеловечным поведением Ивана, но и политическим состоянием страны, поскольку он призывал царя отменить ее деление на опричнину и земщину и объединить народ. Царь отвечал ему резко, ссылаясь на измену, обнаруженную им, как он считал, в своем окружении: *«Что тебе, чернецу, до наших царских советов? Или не знаешь, что мои же хотят меня поглотить»*²³. Гнев Ивана мог быть вызван тем, что бояре одновременно поддерживали и Филиппа, и И.П. Федорова.

Через год, 8 ноября 1568 года (когда праздновался день св. Михаила), Филипп вновь служил в церкви при большом стечении народа. В храм ворвались опричники во главе с Алексеем Басмановым и Малютой Скуратовым, которые прочитали указ Ивана о смещении Филиппа, после чего с него было сорвано облачение. Митрополита бросили в сани и отвезли в Отроч монастырь в Твери, где он содержался в заключении в очень суровых условиях. По крайней мере, его не приговорили к сожжению на костре, что вполне могло произойти. Через неделю митрополитом был назначен игумен Троицкого монастыря Кирилл. Духовные и светские слуги расстриженного митрополита были безжалостно истреблены опричниками.

Атмосфера при дворе была, вероятно, напряженной и мрачной. Достаточно представить себе, какое впечатление должны были произвести убийства и насилия над их женами и истребление детей на узкую прослойку аристократии и дворянства, соединенных между собой многочисленными брачными союзами. Тем более что жены русских аристократов жили в уединении и очень блюли свою честь. Если их бесчестили и вешали на воротах домов их мужей в Кремле, это не могло не сделать атмосферу в Москве гнетущей. Хотя в своем описании бесчинств Шлихтинг мог дать волю фантазии, тем не менее ясно, что Иван вступил на путь разрушения и безудержной жестокости, а сведения из Синодиков подтверждают детали рассказа Шлихтинга.

Свирепость расправы Ивана с теми, кого он считал участниками ряда заговоров знати с целью его свержения, может отчасти объясняться известиями, поступавшими из Швеции на протяжении 1568 года. Эрик XIV, по всей видимости, пришедший в чувство и вернувшийся к делам управления, мало заботился о том, чтобы успокоить шведскую аристократию. В частности, в июле 1568 года он вступил в брак с женщиной низкого происхождения с целью, наряду с прочим, узаконить своего сына Густава, родившегося в январе 1568 года. Вскоре после свадьбы сформировался круг заговорщиков во главе с королевскими братьями Карлом и Юханом, несомненно, представлявшимися в глазах русских *удельными князьями* наподобие Владимира Старицкого. По иронии судьбы в августе 1568 года Эрик снова обратился к России с просьбой о предоставлении убежища: он боялся, что его брат Юхан, все еще находившийся в заключении в Грипсхольмском замке, строит против него козни. Эрик намеревался выдать Ивану его жену Екатери-

ну Ягеллонку и просил русских послов, прибывших в Швецию, забрать Екатерину в обмен на заверения в том, что Иван пришлет войска ему на защиту, а также суда с командами для его перевозки в Россию. Эрик уже занимался погрузкой своих богатств на корабль, когда герцог Карл опередил его и сместил с престола 28 сентября 1568 года. Через два дня знать и армия провозгласили королем Юхана III. Только вмешательство Карла предотвратило угрозу нападения на царских послов и грабежа их со стороны приверженцев Юхана, которые были возмущены слухами о том, что Эрик собирался объявить себя вассалом Ивана²⁴. Формально Эрик был низложен на риксдаге 25 января 1569 года. В дальнейшем он находился в заключении вплоть до своей смерти, вероятно, от яда, в 1577 году²⁵. Таким образом, в то время как Иван вел переговоры о предоставлении ему убежища в Англии из страха перед крамольными боярами, Эрик добивался для себя того же самого от России²⁶.

Свержение Эрика сопровождалось в Швеции хорошо организованной пропагандистской кампанией, изображающей его человеческие и политические качества в самом дурном свете. Такая вопиющая несправедливость в отношении лица, которое хотя и имело, в глазах Ивана, относительно низкое происхождение, но все же было коронованной особой, не способной на неправомерные действия, должна была очень беспокоить царя при мысли, что собственные бояре плетут против него интриги в пользу Владимира Старицкого, и усиливать его подозрительность. Никаких письменных свидетельств, подтверждающих это предположение, не существует, но трудно поверить в то, что на Ивана никак не подействовала весть о крушении государя соседней страны, которое было делом рук его братьев и аристократии. Раз это случилось в Швеции, то же самое могло произойти и в России, поэтому царь ощутил еще большую необходимость заручиться обещанием Елизаветы предоставить ему убежище в Англии. Для человека, чье психическое состояние было столь неустойчивым, кто был так склонен к подозрениям и гневу, судьба Эрика должна была стать суровым предупреждением, ибо параллели с его собственным положением напрашивались сами собой. Царь принял новые меры предосторожности, присоединив к опричнине новые территории, в том числе в окрестностях Вологды, которая стала его главным опорным пунктом. Кроме того, Иван взял под покровительство опричнины деятельность Московской компании и ее собственность²⁷. Одновременно он покинул Москву и переехал на

жительство в новый дворец в Александровской слободе, окружив ее охраной, которая сторожила дороги и без разрешения никого не пропускала. В Вологде царь привлек английских строителей и корабельных плотников к сооружению новых укреплений и строительству судов, на которых мог, в случае необходимости, добраться со своей казной до Соловецкого монастыря на островах Белого моря, чтобы отплыть оттуда на английских морских кораблях в Англию.

Однако Елизавета не желала принимать всерьез прошение царя о предоставлении убежища. Вместо Энтони Дженкинсона, которого Иван нетерпеливо ждал, 23 июля 1568 года в бухте св. Николая высадился английский посол сэр Томас Рандольф (который не являлся агентом компании). Рандольф прибыл в Москву только в конце сентября 1568 года и был вынужден томиться в своей резиденции до 20 февраля 1569 года²⁸, когда Иван, наконец, соизволил принять его. Эта оскорбительная отсрочка аудиенции (вызванная, вероятно, негодованием Ивана по поводу уклончивости Елизаветы в вопросе переговоров о заключении союза) позднее оправдывалась царем тем, что в Москве тогда свирепствовала чума. Однако существовала и такая точка зрения, что отсрочка в аудиенции и содержание посла в четырех стенах были вызваны желанием Ивана скрыть от него бесчинства опричников, казни бояр и их слуг, следовавшие одна за другой²⁹.

Как заявила Рандольфу Елизавета, а он, в свою очередь, передал ее слова Ивану, Дженкинсон изложил ей «в строгом секрете» желание Ивана *«иметь с нами такую дружбу, что если бы, по какому-либо бедствию, одному из нас случилось искать убежища вне наших собственных стран, то, в таком случае, другой должен принять защиту его. По этому предмету вы скажете, что мы подумали, что упомянутый наш слуга Ант. Дженкинсон не уразумел слов царя»*.

В убеждении, что *«уповая на милость Божию, всегда нам являемую, мы нимало не сомневаемся в продолжении мира в нашем правлении, не опасаясь ни наших подданных, ни кого-либо из иностранных врагов»*, Елизавете, по-видимому, было трудно разделить опасения Ивана, боявшегося собственного народа, так что *«мы полагаем, что упомянутый слуга наш ошибочно понял значение сказанных ему царем речей»*. Но королева заверяла Ивана, что *«если бы в правление его произошло какое-либо несчастье ... он будет дружески принят в наших владениях и найдет в нас надежную дружбу для поддержания всех его справедливых*

исканий, столь же верно, как если бы он имел от нас нарочные о сем грамоты и обязательства, подписанные нашею рукою и припечатанные нашей печатью».

Автор этой инструкции лорд Берли приказал Рандольфу обходить молчанием все вопросы, касающиеся оборонительного и наступательного союза, о котором говорил Дженкинсон, ввиду неприязненных отношений Ивана со Священной Римской империей и другими державами (предположительно Швецией и Польшей-Литвой). Единственной целью переговоров Рандольфа было обеспечить привилегии для английской торговли³⁰. Тем не менее, хотя Берли отвергал возможность заключения официального союза, он подчеркивал, что Иван получит такую же поддержку в защите его «справедливых исканий», как если бы договор был заключен. Это могло создать у Ивана несколько превратные представления об истинных намерениях англичан.

Позднее в письме от 20 июня 1569 года Иван объяснял Елизавете, что он заставил Рандольфа так долго дожидаться встречи из-за нежелания посла говорить с его чиновниками и его отказа обсуждать текущие вопросы. Посол сосредоточился только на «торговых делах»³¹. Царь явно пытался переложить на Рандольфа вину за задержку в переговорах.

На протяжении следующих четырех месяцев Рандольф жалуется на интриги со стороны некоторых вмешивающихся в его дела англичан и на перехват его писем³². Однако когда посол, наконец, «предстал пред царские очи» 20 февраля 1569 года, он сообщил Ивану, что уполномочен говорить с ним о тех тайных делах, которые царь обсуждал с Дженкинсоном (то есть, о взаимном предоставлении убежища в случае необходимости, о союзе и, возможно, хотя сведения об этом очень скудны, о браке). Рандольф передал ему *«чрезвычайно большой серебряный кубок, замечательной работы, с награвированными стихами, объясняющими нарисованные на кубке сцены»*. Ему было приказано следовать за царем в Вологду, где состоялись другие беседы, в ходе которых Рандольф опровергал обвинения в свой адрес по поводу изменнических козней против царя, распространяемые злонамеренными членами Московской компании.

Наконец 20 июня 1569 года Рандольф получил от Ивана разрешение на продление привилегий Московской компании на очень выгодных условиях. Например, в России получил правовой статус английский закон, запрещающий торговать в стране подданным Англии в обход

Московской компании³³. Московская компания не получила права на монопольную торговлю с Нарвой, но ей было разрешено иметь дом в Москве и строить другие дома повсеместно, а также иметь небольшое количество русских слуг. Ей было позволено вести разведку месторождений железной руды в долине реки Вычегды. Все дома и слуги компании принадлежали опричнине и находились под ее юрисдикцией. Не исключено, что Иван проявил такую щедрость из расчета на помощь Англии в войне против Польши-Литвы. После стольких уступок он мог ожидать, что Елизавета предложит ему что-нибудь взамен. Но он мог также думать, что право взять назад эти уступки давало ему некоторое влияние на Англию.

Затем Рандольф вернулся в Англию в сопровождении русского посла Андрея Григорьевича Савина, который, как надеялся Иван, сумеет добиться успеха в переговорах о заключении союза, переносившихся, таким образом, в Англию. Савин вез с собой проект договора «о вечной дружбе» между двумя державами, об оборонительном и наступательном союзе, обеспечивающем в случае необходимости взаимную военную помощь. Подтверждались также широкомасштабные торговые привилегии, уже предоставленные Россией Англии, но теперь распространявшиеся на обе стороны³⁴.

В это время Ивану стало ясно, что свержение Эрика Шведского в пользу принца, женатого на сестре польского короля, и намечающаяся уния Польши и Литвы ставят под удар его политику в Ливонии. Он не располагал достаточными силами, чтобы в одиночку противостоять Речи Посполитой, и к тому же лишился своего шведского союзника. Одновременно новый турецкий султан Селим, взойшедший на престол в 1566 году, требовал от крымского хана присоединиться к кампании против России.

Османе на протяжении некоторого времени настороженно следили за растущим влиянием России на юго-востоке и за ее водворением в Среднем Поволжье, создававшим опасность для путешествий паломников с Востока в Мекку и Медину. Более того, появление России в Нижнем Поволжье нарушало равновесие между Турцией и Персией. Крымский хан оказывался ценным союзником первой в борьбе за наследие Золотой Орды на Каспии и за возврат двух татарских ханств, Казани и Астрахани.

Уже в 1564 году крымский хан заявлял, что у него к Ивану накопилось немало обид, утолить которые невозможно даже с помощью множества «кун»³⁵.

Русские оставили старый татарский город Астрахань на правом берегу Волги и построили новую, более мощную крепость на острове примерно в пятнадцати километрах ниже по течению³⁶. Главным форпостом турок была крепость Азак* в устье Дона, при впадении его в Азовское море, которая была центром турецкой работорговли. В середине шестнадцатого века казаки, обосновавшиеся в низовьях Дона, стали создавать помехи для торговли турок, нападая на них под руководством князя Д. Вишневецкого, временного союзника Ивана IV. Однако взаимоотношения с Россией еще не были настолько важны для Порты, чтобы приступить к прямым переговорам, и все дела обсуждались преимущественно — хотя не исключительно — через посредство крымских татар.

Как бы то ни было, жители Казани, Астрахани и Кабарды, бежавшие на территорию Турции, призывали султана изгнать русских из их земель с помощью крымского хана и прочих местных правителей. Возникла мысль о том, чтобы прорыть канал между Доном и Волгой, который позволил бы туркам подниматься по Дону от Азова до Переволоки, а затем по Волге добираться до Центральной России или спускаться до Астрахани, которая стала бы опорным пунктом для войн с Персией или на Кавказе³⁷.

Селим проявил большую благосклонность к этому плану, чем его предшественник Сулейман, и началась серьезная подготовка к осуществлению проекта. В начале 1568 года Портой было принято решение приступить к развертыванию кампании. В Кафе строились корабли, в Константинополь стягивались пушки и отряды янычар, к которым должна была присоединиться пятнадцатитысячная армия из балканских провинций. В Крыму были собраны провиант и боеприпасы, а также рабочая сила для рытья канала, хотя у хана Девлет-Гирея перспектива усиления турецкого контроля над его землями не вызывала никакого воодушевления. Русские были в курсе всех турецких планов благодаря тому, что их посланник в Крыму Афанасий Нагой получал сведения о них в частном порядке от крымцев. Последние не очень приветствовали притязания турок на Астрахань и не хотели, чтобы те установили свое господство на Каспийском море и на Кавказе. Слухи о проекте строительства канала распространились по всей Европе и вызывали большое любопытство.

* Азов.

Турецкая флотилия с солдатами на борту в июле 1569 года отплыла из Азова вверх по Дону и в августе соединилась с крымской армией на Переволоке, где турки намеревались начать строительство канала. Но они опоздали, Дон оказался слишком мелководным, и даже перетащить корабли с Дона на Волгу было невозможно. К великому негодованию турок, для прорытия канала собранных сил было недостаточно. Проект был отставлен, и две армии, турецкая и крымская, двинулись к Астрахани, чтобы осадить ее. Они заняли старый, заброшенный город, а местные татары предложили им речные суда, чтобы переплыть через Волгу. Но туркам не удалось взять новую русскую крепость, которую удачно защищал князь Петр Серебряный Оболенский*, — у него была своя «плавная рать». Однако действительной причиной провала турок явилось расхождение во взглядах между ними и крымцами, по некоторым сведениям, всячески старавшимся расстроить турецкие планы, чтобы отбить у них охоту снова идти на Астрахань³⁸. В конце концов, турки и татары в сентябре 1569 года сняли осаду из опасений остаться в этой негостеприимной стране на долгую зимовку. Турки отправились воевать с венецианцами, и в апреле 1571 года между Портой и Иваном в ходе обмена посланиями было заключено мирное соглашение, по которому Россия обязалась снести свой укрепленный пункт на берегу реки Терек на Северном Кавказе, не оказывать помощи Кабарде, открыть дорогу для купцов и паломников и удовлетворить требования крымского хана по выплате русской дани. Таким образом, этот обычай, который был отвергнут Иваном III, оказался возрожденным при Иване IV³⁹. Теперь крымцы, освободившись от опеки своего сверхмогущественного союзника, могли думать о собственных интересах, то есть отвоевании Казани и подготовке новых набегов на свой страх и риск.

Иван тем временем стал помышлять о завершении войны на севере путем переговоров и о создании там вассального ливонского государства под русским протекторатом. Авторами этой идеи были, вероятно, двое ливонских дворян, служивших царю, Иоганн Таубе и Элерт Крузе, а также глава Посольского приказа Иван Висковатый, всегда относившийся к Ливонской войне неодобрительно. Сразу был найден кандидат на престол нового королевства — Магнус, младший брат датского

* У Б.Н. Флори — Петр Семенович *Серебряный* Оболенский; в англ. оригинале и указателе: «*Серебрянович*».

короля Фредерика II, правитель острова Эзель и датских владений в Ливонии, который с некоторых пор находился в поисках приличествующего ему трона и супруги.

Русское посольство, пребывавшее в Стокгольме с целью заполучить Екатерину Ягеллонку, в конце концов вернулось домой без королевы, зато снабдило Ивана подробными сведениями о свержении Эрика в июне 1569 года, хотя он, несомненно, и без того был в курсе всего происходящего благодаря доставляемым гонцами донесениям⁴⁰.

Иван находился в состоянии непреходящего возбуждения, подогреваемого курсирующими слухами об «измене» Федорова и особенно о том, что Федоров знал о существовании заговора еще в 1567 году (если он действительно снабдил Владимира Старицкого списком заговорщиков). Царь отослал своего двоюродного брата подальше от себя, в Нижний Новгород, который был важным военным плацдармом для отражения назревавшего тогда турецко-татарского нападения. Одновременно шла подготовка к расправе с князем. Без труда удалось подкупить служившего Владимиру повара, и тот обвинил своего хозяина в намерении погубить царя через его посредство отравленной рыбой. Иван немедленно пригласил князя в Александровскую слободу, на подступах к которой тот был окружен опричниками во главе с подручными Ивана, В.Г. Грязным и Малютой Скуратовым. Они сказали Старицкому, что он больше не брат царю, а его враг, ибо пытался не только отнять у него венец, но и убить Ивана, отравив с помощью подкупленного повара. Как ближайшие родственники царя, Старицкие не могли предстать перед судом и быть приговоренными к смерти; однако Иван, очевидно, решил, что не следует больше терпеть угрозу его власти со стороны Владимира и что его необходимо казнить. После обычного расследования 9 октября 1569 года Владимира привели вместе с женой и дочерью к царю, который приказал им выпить яду. Сначала Владимир отказался, чтобы не стать самоубийцей и не совершить смертного греха, но жена убедила его испить из чаши, потому что на Страшном суде за это должен ответить Иван. Оба они, а также их девятилетняя дочь выпили отравленный напиток. Иван отдал повеление привезти в слободу свою тетку Ефросинью, которая находилась в то время в Белозерском монастыре. По дороге Грязной и Малюта Скуратов, которые, видимо, исполняли тогда для Ивана всю грязную работу, «уморили» ее, двенадцать ее спутниц и пятерых слуг *«в сугне в ызбе в дыму»*. Ни А.Д. Вяземский,

ни А.Д. Басманов, ни его сын Федор в этих событиях не участвовали. Очевидно, в 1569 году им уже грозила немилость, раз они отважились на протест против неслыханного размаха расправ, творимых Иваном.

Множество казней подтверждается записями в Синодиках, где упоминается повар, рыбак, выловивший якобы отравленную рыбу, и ряд дьяков и дворян, служивших Владимиру. Всех этих людей Иван велел поминать в молитвах. Удивляет также непоследовательность царя по отношению к семье Владимира. Его девятилетняя дочь была умерщвлена, но сын Василий и дочери от первой жены Евфимия и Мария, которые в момент убийства отсутствовали, остались в живых. Через несколько лет Василию Старицкому был возвращен и отцовский удел⁴¹.